

А. В. Григоровская
Тюмень, Россия

**«ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ»
АЙН РЭНД: РОССИЯ ОБ АМЕРИКЕ И АМЕРИКА О РОССИИ**

АННОТАЦИЯ. Предметом статьи является диалог России и Америки в творчестве американской писательницы русского происхождения Айн Рэнд и русского писателя Н. Г. Чернышевского. Тема статьи — сравнение двух национальных утопий, ее целью является исследование «русского» в творчестве Айн Рэнд и раскрытие новых сторон творчества Н. Г. Чернышевского. Рассматривается взаимодействие романов Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». Сопоставительный анализ текстов ведется по направлениям идейного содержания, жанровой формы, системы персонажей, символической структуры. При анализе используются следующие методы: системно-целостный, историко-сравнительный, типологический. В результате анализа автор приходит к выводу о наличии в творчестве Айн Рэнд черт, типологически схожих с творчеством Н. Г. Чернышевского. Выявляется близость изучаемых текстов и моделирование в обоих национального мифа о России и об Америке. Данные результаты могут быть использованы в практике преподавания русской и зарубежной литературы в вузах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Что делать?»; Н. Г. Чернышевский; «Атлант расправил плечи»; Айн Рэнд; национальный миф; утопия; Россия; Америка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Григоровская Анастасия Васильевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Государственный аграрный университет Северного Зауралья (Тюмень); адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 7; e-mail: feministka86@mail.ru.

Идея сопоставления романов русского писателя-шестидесятника XIX в. и американки советского происхождения, которых разделяет целый век, может показаться парадоксальной. Возникновению у нас интереса к этому вопросу предшествовали размышления о сущности конфликта между двумя великими державами, задающими тон политической ситуации во всем мире — Российской Федерации и Соединенными Штатами Америки. Любой конфликт вытекает не только из противоположности оппозиционных сторон, но и из их глубокого сходства.

Обе страны имеют свои собственные национальные мифы. Роднит их проекция в будущее, совершенный утопизм и претензии на глобальность. В случае с Россией мы имеем право говорить о двух самостоятельных мифах — «русской идее» и «советской мечте». «Американская мечта» не менее многолика. Закономерное дитя «русской идеи», «советская мечта» имеет ряд черт, схожих с «американской мечтой». Это претензия на глобальный эксперимент, абсолютный оптимизм, «дух исторической молодости», «право на счастье» [Баталов 1982; Баталов 2009; Лаперуз 1995; Голенопольский 1981].

Как известно, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) был написан еще в царской России и демонстрирует крайне революционные для того времени взгляды. Роман американской писательницы Айн Рэнд (Алиса Розенбаум) «Атлант расправил плечи» («Atlas Shrugged», 1957) не был популярен в свое время в США из-за неоднозначного идейного содержания. Сопоставление двух столь знаковых для каждой из эпох текстов следует начать с того, что и «Что делать?», и «Атлант расправил плечи» являются так называемыми романами, иллюстрирующими авторскую идею («романы — иллюстрации философской идеи» в терминологии С. Л. Кошелева, «романы идей» в терминологии О. Хаксли, В. М. Кам-

нева и т. п.). Сближает их общая философская основа: оба писателя исповедуют теорию «разумного эгоизма». Любопытно, что понимание эгоизма у обоих авторов практически идентично, несмотря на разницу формально утверждаемых мировоззрений. Неразрывно связано с понятием эгоизма и понятие свободы в обоих романах.

Свобода у Чернышевского и Айн Рэнд представлена в нескольких основополагающих вариантах. Свобода труда в «Что делать?» ассоциирована в первую очередь с независимостью: *Но главное — независимость! Делать, что хочу, жить, как хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни от кого не требовать, ни в ком, ни в чем не нуждаться!* [Чернышевский 1974: 72]. Идеал независимости — не пустой звук и для героев Айн Рэнд. В частности, герои романа «Атлант расправил плечи» отстаивают свою профессиональную независимость: «То, что у врачей должны быть какие-то права, желания или выбор, считалось „неуместным эгоизмом“ (*«irrelevant selfishness» в оригинале*); говорили, что врач не может выбирать, он обязан „служить“» [Рэнд 2009в: 57]. «Нежелание поступаться своими интересами ради других» — эта идея есть одно из отражений концепта «свобода» в романе, который напрямую связан с концептом «эгоизм».

Свобода в любви также роднит оба романа. Отрицание чувства ревности, свобода отношений — это то, что проповедают как Чернышевский, так и Айн Рэнд. Хэнк Риарден страдает от того, что его жена Лилиан рассматривает его как свою собственность: *Ты принес меня в жертву своим животным инстинктам! Неужели ты настолько жесток и эгоистичен?* [Рэнд 2009б: 231]. Как видим, свобода и эгоизм здесь взаимосвязаны. Для Н. Г. Чернышевского свобода также заключается прежде всего в ответственности перед самим собою и, как следствие, в признании прав другого человека: *Тогда она любит его, как он*

любит ее, только потому, что хочет любить, если же она не хочет, он не имеет никаких прав над нею, как и она над ним [Чернышевский 1974: 373]. Так же в романе рассматривается и ревность. Это ущемление свободы другого: *Это искаженное чувство... это следствие взгляда на человека, как на мою принадлежность, как на вещь* [Чернышевский 1974: 298].

Оба романа поднимают проблему соотношения личной и коллективной свобод. Герои Н. Г. Чернышевского решают ее через освобождение от стереотипов социума. Как известно, образы свободы представлены в романе архетипами женщин. «Новая женщина» символизирует собой «новую любовь». У женщины, которая существовала до «нового времени», не было главного: *У ней не было свободы* [Чернышевский 1974: 368]. На наш взгляд, Вера Розальская и Дагни Таггерт — очевидные двойники. У обеих женщин есть свое дело (мастерская и железная дорога), обе любят в разное время двух мужчин (Лопухов и Кирсанов; Франсиско д'Анкония и Хэнк Риарден), обе борются с обществом за право быть собой.

В обоих романах есть антиподы главной героини. В «Что делать?» это Жюли, в «Атланте...» — Лилиан. Жюли совершенно осознанно подчиняется тем правилам, которые приняты в обществе, будучи внутренне с ними несогласной: *Я ношу накладной бюст, как ношу платье, юбку, рубашку, не потому, чтоб это мне нравилось, — по моему, было бы лучше без этих ипокритств, — а потому, что это так принято в обществе* [Чернышевский 1974: 28]. Жюли сама страдает от своей несвободы, о чем открыто говорит: *Боже мой, с кем я принуждена жить в обществе!... Дай мне силу сделаться опять уличной женщиной в Париже, я не прошу у тебя ничего другого, но освободи меня от этих людей, от этих гнусных людей!* [Чернышевский 1974: 29]. Однако она все равно остается среди этих самых людей, автор дает ей лишь право спасти чужую судьбу, потому она и восклицает: *Ты раб, но француженка свободна* [Чернышевский 1974: 30]. Помогая Вере, она спасает и саму себя.

Лилиан — это соперница Дагни. Она представительница враждебного индивидуалистам лагеря, ее представления о свободе ограничены рамками ее собственного «я». В отличие от Жюли, она откровенно зависима от денег. Символично то, как она относится к подарку мужа, который дарит ей браслет из риарден-металла: *Ты хочешь сказать... что цена ей такая же, как и куску железнодорожного рельса?* [Рэнд 2009а: 48]. Без сомнения, символично и то, что Дагни меняет свой бриллиантовый браслет на эту металлическую цепочку. Лилиан любит деньги, а не Риардена и все, что с ним связано.

Образы свободы в романах удивительно похожи. Несмотря на то что в русской культуре образы свободы, как правило, статичны, в романе Айн Рэнд мы встречаем именно такие образы. Лексема «спасе» реже ассоциируется у американца со свободой, и такой метафорический оборот, как «from a height in the freedom of air and space» [Rand 1992: 35] («из поднебесья»), свидетельствует о сочетании в индивидуально-

авторской концептуальной картине мира писательницы черт различных ментальностей. «Свобода» и «несвобода» — это два концепта романа «Что делать?». Первый часто выражается в тексте метафорой «свободного дыхания»: *Ах, как я его люблю... и грудь шире становится, дышится легче, вот это так, это самое верное: дышать очень легко* [Чернышевский 1974: 211]. Второй — метафорой «затрудненного дыхания»: *Но теперь, мой друг, слишком душно в этом гнилом, гадком воздухе* [Чернышевский 1974: 99].

Герои романов Н. Г. Чернышевского обладают такой чертой, как максимализм. При отстаивании свободы своих действий они способны идти до конца, будь то дело всей жизни или нежеланное замужество. Вера Павловна восклицает: *Я не унижусь, пусть меня съедят, я брошусь из окна, я пойду собирать милостыню... но отдать руку гадкому, низкому человеку — нет, лучше умереть* [Чернышевский 1974: 42]. Хэнк Риарден отвечает Франсиско на вопрос о том, что он будет делать, если его корпорацией завладеют «скулящие подонки»: *Я лучше взорву свои рельсы!* [Рэнд 2009б: 142]. Вообще крайний экстремизм — черта, которая роднит оба произведения. Свобода для героев оборачивается сверхидеей, за которую не жаль и умереть. Например, Кирсанов говорит Вере Павловне: *Я принимаю правило: против воли человека не следует делать ничего для него; свобода выше всего, даже и жизни* [Чернышевский 1974: 398]. В своей речи Джон Голт произносит похожее: *Если человек гибнет, сражаясь за свою свободу, это не жертвование: он не хочет жить рабом...* [Рэнд 2009в: 376].

Принципиальным для понимания конструирования мечты о «прекрасном новом мире» в обоих романах является вопрос о примирении с реальностью. С одной стороны, героиня романа «Что делать?» Вера Павловна рассуждает о том, что обстоятельства порой оказываются сильнее человека, ведь *чего нельзя делать, о том и не думаешь серьезно* [Чернышевский 1974: 350]. И все же автор призывает своих героев и читателей к активным действиям, так как человек, примирившийся с пошлостью, *живя на земле, только коптит небо* [Чернышевский 1974: 57]. Айн Рэнд как философ говорила о том, что человек должен примириться с «метафизически данным», иначе он обречен на борьбу с ветряными мельницами: *Метафизически данное... не может быть правильно или ложно, оно попросту есть...* [Пейкофф 2011: 45]. Однако преобразование мира — важная часть жизни героев Айн Рэнд: они изобретают новые сплавы, строят из них железные дороги и мосты, внедряют в производство двигатели нового типа...

Некоторым исследователям кажется, что сходство взглядов Айн Рэнд и социалистов лишь внешнее: «Общественное благо, по Рэнд, есть равнодействующая личных интересов, а не подавление личного интереса общественным, как это было при большевистском социализме...» [Жежко 2011]. На примере утопического социализма Чернышевского мы видим, что для героев Чернышевского нет ничего удивительного в том, чтобы, полюбив человека, думать не о совместном счастье, а о счастье других людей. Так, Вера

Павловна в первый вечер своей любви к Лопухову мечтает о том, чтобы все люди стали радостны и счастливы [Чернышевский 1974: 76]. Она же в своем первом сне, освободившись из подвала, символизирующего несвободу, задумывается о том, что надо помочь и другим освободиться: *Помни же, что еще много невыпущенных, много невылеченных. Выпускай, лечи* [Чернышевский 1974: 104]. Таким образом, свобода в «Что делать?» — эстафета, которую люди должны передавать друг другу.

Казалось бы, герои романа Айн Рэнд, напротив, отрицают свою заинтересованность в каком бы то ни было общественном благе. Риарден в суде заявляет: *Если сейчас мои ближние, называющие себя обществом, верят в то, что ради их блага необходимы жертвы, тогда я скажу: будь проклято общественное благо, я не стану его частью!* [Рэнд 2009б: 174]. Однако мы видим, что романы роднит не только отрицание жертвы (все помнят слова Лопухова: *Да их и не бывает, никто и не приносит; это фальшивое понятие: жертва = сапоги всмятку* [Чернышевский 1974: 126]), но и то, что герои и Чернышевского, и Айн Рэнд живут исключительно интересами своего дела, совершенно забывая о личной жизни. Перед нами некие идеальные «новые люди». Кажется, они только и делают, что работают.

Общая черта «новых людей» — их аскетизм. «„Новые люди“ не просто ограничивают свои устремления к выгоде, учитывая интересы других людей — они отказывают себе во множестве полезных и желательных вещей ради интересов других» [Никифоров 2010: 31], — пишет в своей работе о героях Н. Г. Чернышевского Я. А. Никифоров. Герои Айн Рэнд мотивируют свои действия исключительно материальной выгодой, однако от этого их несомненная польза для общества никуда не пропадает. Самые яркие представители нового типа в романах — Рахметов и Хэнк Риарден (о Джоне Голте следует, пожалуй, говорить отдельно, это совершенно особый тип героя, играющий роль мессии, сверхчеловека в романе).

Рахметов как «особенный человек» представляет собой героя, который приравнял свою личную свободу к свободе коллективной: *Вот как он говорил и вел свои дела, а дел у него была бездна, и все дела, не касавшиеся лично до него; личных дел у него не было, это все знали...* [Чернышевский 1974: 277]. Именно Рахметов выговаривает Вере Павловне за то, что она забыла про свою мастерскую в минуту личного горя, призывая, таким образом, ставить коллективный интерес превыше личного: *Вы подвергали почти верной, почти неизбежной гибели благосостояние пятидесяти человек. Из-за чего? из-за маленького удобства себе* [Чернышевский 1974: 290]. Такое ущемление свободы других за счет личной свободы Рахметов называет грехом против духа святого [Чернышевский 1974: 294].

Метафора стали, которая употребляется в обоих текстах применительно к главным героям, служит для обозначения твердости их характеров, который они «закаляют» через различные аскезы. Рахметов спит на гвоздях, аскеза Риардена заключается в производстве стали: *...многолетия самобичевания, когда он отвергал надеж-*

ду или образец, не позволяя себе ощутить усталость, не давая себе времени на это... [Рэнд 2009а: 40]. Риарден действительно тверд, как металл, и в минуты душевного смятения главной героини он успокаивает ее: *Дагни... кем бы мы ни были, мы движем миром, и нам вести его вперед* [Рэнд 2009а: 113].

Куда же движется этот мир? Кульминацией обоих романов является утопический эпизод, в котором, как в зеркале, отразились как сходства, так и различия мировоззрений двух авторов. В романе «Что делать?» это «Четвертый сон Веры Павловны», в романе «Атлант расправил плечи» — главы «Атлантида» и «Утопия алчности». Первое, что очевидно роднит обе утопии — постоянно возникающий на страницах обоих текстов образ металла, становящийся символом произведений. Как известно, в «хрустальных дворцах» (которые также фигурируют и у Айн Рэнд: дом в долине Джона Голта *был полностью прозрачен — почти сплошной лист стекла* [Рэнд 2009в: 16]) из сна Веры Павловны все было сделано из алюминия: *Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами* [Чернышевский 1974: 375]. В романе фигурирует именно алюминий, потому что во времена написания романа он только-только начал применяться и считался одним из самых легких и прочных металлов. В романе Айн Рэнд новому сплаву Риардена прочат широкую известность: *Потому что сплав этот прочнее и дешевле стали; кроме того, рельсы из него переживут век любого известного нам металла* [Рэнд 2009а: 28]. Вообще металл как лейтмотив текста появляется постоянно: в браслете на руке Дагни, в часах на руке Джона Голта. Сталь как символ соотносится с «трансцендентной жестокостью принципа всепобеждающего духа» [Кирло 2007: 412]. Любой сплав — это соединение противоположностей, в данном случае — материи и духа. Глубоко мифологический символ, в фольклоре разных народов он нередко проявлялся испытаниями героя («пройти огонь, воду и медные трубы»). Для романов Чернышевского и Айн Рэнд металл — это символ «выковки» нового человека, характера (тут же можно провести параллель с соцреалистическими романами, например, «Как закалялась сталь» Н. Островского).

Тут мы подходим к вопросу о создании, «выковке» и «сплаве» новой национальной утопии в романах. Местоположение утопического мира играет в создании такой утопии не последнюю роль. Прекрасный мир в «Что делать?» — это нива, поле, луг, куда во сне попадает героиня. В романе «Атлант расправил плечи» идеальное общество находится на вершине горы и, по сути, является миражом: *Да, не удивляйтесь, вершина горы, на которую не станет садиться ни один летчик. То, что вы видели, было ее отражением, спроецированным над этой долиной* [Рэнд 2009в: 10]. Дело в том, что пространственный образ мечты находится в прямой зависимости от ментальности автора. Образ поля — типично русский образ свободы, простора, воли. Это также древний языческий символ земли-матери, женский символ плодородия. Примечательно, что земля эта — бывшая пустыня, преобразованная руками «новых людей».

Иное дело — гора. В контексте романа Айн Рэнд, изобилующего античными аллюзиями, на вершине горы призваны жить исключительно боги, достигшие совершенства. Это символ гордости, индивидуализма, мужской символ целеустремленности. Таким образом, она соответствует мифу об американской мечте, в основе которой лежит корень «само-»: самореализация, самостоятельность, самоосуществление, самовыражение, самоуправление... Мечта Чернышевского лежит в плоскости сплава русской идеи и социалистической мечты: тут и женское, «бабье» начало (которое отмечали многие философы от Ф. М. Достоевского до С. Франка), и альтруизм в сочетании с крайним коллективизмом (иной вариант — соборностью).

Важны также временные координаты утопии. Если Чернышевский помещает свою мечту в будущее, ради которого надо работать, к которому надо стремиться, то Айн Рэнд живет «здесь и сейчас». Ее выбор — организация своеобразного «рая на земле» (для чего она и уехала в свое время в США). Интересно также и то, что мечта Чернышевского — для всех: *Каждый может жить, как ему угодно* [Чернышевский 1974: 379]. Интернациональность такой идеальной страны подчеркивается упоминанием в тексте Одессы и Херсона: *Это в твоё время, а теперь, смотри, вот где Новая Россия* [Чернышевский 1974: 378]. В мире Чернышевского царит равенство, все живут в одном большом доме, получают самое необходимое бесплатно. В новый мир Айн Рэнд попадают лишь избранные, полубоги, по особому приглашению Джона Голта (основателя этого мира) или пройдя через испытания (ключевым качеством для того, чтобы вступить в круг избранных, по видимому, как и в мифах и вообще любом фольклоре, является смелость). Тем, кто живет в этом мире, нет дела до оставшихся за его пределами: *Он избавит человечество от ужаса внезапного паралича... Нет, там ничего не узнают о моем откровении* [Рэнд 2009в: 49] — говорит «дезертировавший» врач о своем открытии лекарства от аполексии. В нем нет и ничего бесплатного, все в нем следует заработать, даже самое необходимое. Дома в этом мире все разные, каждый из них выражает характер своего владельца.

Символом обеих утопий является женщина, как бы ни стремилась Айн Рэнд замаскировать этот факт за фаллическим образом горы. Женское начало — традиционно русское. «Гид» Веры Павловны по утопическому миру — Светлая Красавица, новая женщина, символ освобождения в романе. У Айн Рэнд этот образ внезапно появляется в иллюзии, которая приходит Дагни: *На обочине дороги она увидела строение из стеклянных блоков, соединенных деревянным каркасом, но на миг ей показалось, что это не здание, а рама для портрета — портрета женщины, высокой, хрупкой, с белокурыми волосами и удивительно красивым лицом, но немного размытым, как бы смазанным, завуалированным расстоянием, словно художник сумел лишь намекнуть, но не передал во всем совершенстве* [Рэнд 2009в: 37]. Действительно, Дагни выступает своего рода гостем в этом мире (как и Вера Павловна), она единственная, кто возвращается из

него во внешний мир для того, чтобы продолжить борьбу. Поэтому женский образ в романе Рэнд так же важен, как и в романе Чернышевского. Однако «гидом» для нее является мужской образ, Джон Голт, получеловек-полулегенда (вообще образ гостя и его проводника в утопическом мире берет свое начало еще в классическом тексте Томаса Мора).

Любопытно также, что в «Что делать?» упоминается Америка как прогрессивная страна. Известно, что в образе Чарльза Бьюмонта Чернышевский «зашифровал» Лопухова, смерть которого инсценирована на страницах романа (однако Лопухов и правда жил в Нью-Йорке через какое-то время после расставания с Верой Павловной и даже входил в партию абolicionистов). Это «альтер эго» Лопухова представлено как абolicionист, ратующий за свободу и равенство. Он крайне позитивно относится как к Америке, так и к России: *Нам некогда скучать: у нас слишком много дела. Я считаю, мне кажется (поправил он свой американизм), что и русский народ должен бы видеть себя в таком положении: по-моему, у него тоже слишком много дела в руках* [Чернышевский 1974: 421]. Характеристика Америки из уст Бьюмонта-Лопухова звучит так по-рэндовски: *Вы ждете такого упрека от человека из нации, про которую все утверждают, что единственная цель и мысль ее — доллары?* [Чернышевский 1974: 422]. Вспомним роман Айн Рэнд: *Деньги — продукт добродетели; Бегите прочь от человека, который скажет вам, что деньги — зло; Деньги — барометр общественной добродетели* [Рэнд 2009б: 94—95]. Также очевидна ориентация на Америку в деле решения «женского вопроса». Катерина Полозова, скучающая от отсутствия серьезного занятия в России, говорит отцу: *Папа, поедем в Америку, когда т-г Бьюмонт купит у себя завод... я там буду что-нибудь делать* [Чернышевский 1974: 423]. Конечно, сказано это «шутя», но Чернышевский известен своим талантом зашифровать от цензуры что угодно. Сам Полозов рассуждает об американцах: *...у них в Америке человек — ныне работник у сапожника или пахарь, завтра генерал, послезавтра президент, а там опять конторщик или адвокат. Это совсем особый народ, у них спрашивают о человеке только по деньгам и по уму* [Чернышевский 1974: 426]. А дальше Полозов думает, что это правильно, да и сам он точно такой же человек: *Деньги — главное; и ум, потому что без ума не наживешь денег* [Чернышевский 1974: 426].

Налицо откровенная идеализация Чернышевским Америки и воссоздание мифа о ней. В романе «Атлант расправил плечи» Россия не упоминается, но известно мнение Айн Рэнд о своей Родине. Особенно показателен в этом смысле ее первый роман «Мы — живые» («We the living») (1936). *Если они спросят тебя в Америке — скажи им, что Россия — это огромное кладбище и что все мы медленно погибает* [Рэнд 2006: 7], — такие слова близких людей Айн Рэнд приведены в предисловии к первому изданию книги в России.

Для чего созданы обе утопии — еще один важный вопрос. Герои Чернышевского движимы

идеями «осчастливливания» человечества, герои Рэнд устроили забастовку, скрывшись в своем самодельном мире от посягательств на разум. Герои Айн Рэнд больше направлены «внутрь», чем «вовне», их продуцирование «нового человека» касается в первую очередь их самих, но уже потом социума, а не наоборот. Нам кажется, что причина негативного отношения Айн Рэнд к коллективизму СССР (а если вспомнить, то деятельность ранней пуританской Америки также носила коллективный характер) кроется в том, что она видела ошибочность тоталитарной идеологии, имея возможность оценить ее последствия. Любое общество развивается стадийно, и героям Чернышевского (как и ему самому) не дано было знать, «как слово их отзовется».

«Несмотря на всю прокламируемую нелюбовь к России и русской литературе, и в ее книге, и в ней самой бесконечно много русского — экстремизм, претензии на глобальность, желание использовать литературу как проповедь, потребность исправлять „карту звездного неба“» [Паперный 2013]. В этих словах исследователя много истины, хоть абсолютизировать «русское» в Айн Рэнд и не стоит. На наш взгляд, Алиса Розенбаум явилась сотворцом национального мифа Америки, как миллионы других переселенцев, создавших страну-мечту США. Отражением русской ментальности в ее романах были прежде всего экстремизм, претензии на глобальность, использование пространства художественного текста как трибуны, идеализация реальности. Айн Рэнд, кроме того, создатель своеобразного философского течения, по сути, основатель своего собственного культа, что немало напоминает советских идеологов. Исследование многообразия «ментального содержания» произведений Айн Рэнд только начинается, и перед исследователями открываются достаточно обширные горизонты на этом поле деятельности.

A. V. Grigorovskaya
Tyumen, Russia

«WHAT TO DO?» BY N. G. CHERNYSHEVSKY AND «ATLAS SHRUGGED» BY AYN RAND: RUSSIA ABOUT AMERICA AND AMERICA ABOUT RUSSIA

ABSTRACT. *The article deals with the dialogue between America and Russia in the works of the American writer of Russian descent Ayn Rand and the Russian writer N. G. Chernyshevsky. The topic of the article is comparison between two national utopias, its goal is the research of “the Russian” in Ayn Rand’s creative activity and the revelation of new boundaries in the books by N. G. Chernyshevsky. The interaction of novels “What to do?” by N. G. Chernyshevsky and “Atlas shrugged” by Ayn Rand is considered. The comparative analysis of the texts is carried out in terms of conceptual content, genre form, system of characters and symbolic structure. The following methods have been used for the analysis: all-round systemic, historic-comparative and typological. As a result of the undertaken analysis the author makes the conclusion, that Ayn Rand’s works of fiction have features that are typologically close to the ideas of N. G. Chernyshevsky. Their similarity and modeling of the national myth about Russia and America is detected in the works of both authors.*

KEY WORDS: *«What to do?»; N. G. Chernyshevsky; «Atlas shrugged»; Ayn Rand; national myth; utopia; Russia; America.*

ABOUT THE AUTHOR: *Grigorovskaya Anastasiya Vasilyevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, FSBEI HPE «Northern Trans-Ural SAU», Tyumen, Russia.*

LITERATURE

1. Batalov E. Ya. Sotsial'naya utopiya i utopichesko-soznanie v SShA. — М. : Nauka, 1982.
2. Batalov E. Ya. Russkaya ideya i amerikanskaya mechta. — М. : Progress-Traditsiya, 2009.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. — М. : Наука, 1982.
2. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. — М. : Прогресс-Традиция, 2009.
3. Голенопольский Т. Г., Шестаков В. П. «Американская мечта» и американская действительность. — М. : Искусство, 1981.
4. Жежко И. Айн Рэнд на американском «Tea Party»: диалог консерваторов и радикалов // Иностранная литература. 2011. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/1/zh15.html>.
5. Кирло Х. Словарь символов / пер.с англ. — М. : Центрполиграф, 2007.
6. Лаперуз С. Духовный призыв «Американской мечты» // Американский характер. Очерки истории культуры США. Импульс реформаторства. — М. : Наука. — С. 56—73.
7. Никифоров Я. А. «Новые люди» Чернышевского как агенты модернизации русского общества // Изв. Саратов. ун-та. 2010. Т. 10. Сер.: Социология. Политология. Вып. 3. С. 29—32.
8. Паперный В. Ушибленная коммунизмом: учение и судьба Айн Рэнд // Историческая правда: дайджест. 2013. 28 янв. URL: <http://www.istpravda.ru/digest/1917/>.
9. Пейкофф Л. Объективизм: философия Айн Рэнд : пер.с англ. — М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012.
10. Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. Ч. 1 : пер.с англ. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009а.
11. Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. Ч. 2 : пер.с англ. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009б.
12. Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. Ч. 3 : пер.с англ. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009в.
13. Рэнд А. Мы живые. — СПб. : Невская перспектива, 2006.
14. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Собр. соч. : в 5 т. / Н. Г. Чернышевский. — М. : Правда, 1974. — Т. 1.
15. Rand A. Atlas Shrugged. — New York : Dutton, 1992.

3. Golenopol'skiy T. G. «Amerikanskaya mechta» i amerikanskaya deystvitel'nost' / T. G. Golenopol'skiy, V. P. Shestakov. — М. : Iskusstvo, 1981.
4. Zhezhko I. Ayn Rend na amerikanskom «Tea Party»: dialog konservatorov i radikalov // Inostrannaya literatura.

2011. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/1/zh15.html>.

5. Kirlo Kh. Slovar' simvolov / Per.s angl. — M. : Tsentrpoligraf, 2007.

6. Laperuz S. Dukhovnyy prizyv «Amerikanskoy mechty» // Amerikanskiy kharakter. Ocherki istorii kul'tury SShA. Impul's reformatorstva. — M. : Nauka. — S. 56-73.

7. Nikiforov Ya. A. «Novye lyudi» Chernyshevskogo kak agenty modernizatsii russkogo obshchestva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2010. T. 10. Ser.Sotsiologiya. Politologiya, vyp.3.S. 29 — 32.

8. Papernyy V. Ushiblennaya kommunizmom: Uchenie i sud'ba Ayn Rend // Istoricheskaya pravda: dayzhest. 2013. 28 yanvarya. URL: <http://www.istpravda.ru/digest/1917/>

9. Peykoff L. Ob"ektivizm: filosofiya Ayn Rend / Per.s angl. — M. : Astrel': Poligrafizdat, 2012.

10. Rend A. Atlas raspravil plechi: V 3 ch./ Per.s angl. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2009a. — Ch. 1.

11. Rend A. Atlas raspravil plechi: V 3 ch./ Per.s angl. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2009b. — Ch. 2.

12. Rend A. Atlas raspravil plechi: V 3 ch./ Per.s angl. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2009v. — Ch. 3.

13. Rend A. My zhivye. — Spb: Nevskaya per-spektiva, 2006.

14. Chernyshevskiy N. G. Chto delat'? Iz ras-skazov o novykh lyudyakh // Chernyshevskiy N. G. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. — M. : Pravda, 1974. — T. 1.

15. Rand A. Atlas Shrugged. — New York: Dutton, 1992.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, профессор О. М. Ушакова.